

Февраль, № 1

Филология

2012

УДК 4.106

ЕЛИЗАВЕТА ВАЛЕРЬЕВНА ЛОГИНОВА

аспирант кафедры финского языка и литературы факультета прибалтийско-финской филологии и культуры, Петрозаводский государственный университет
sormukset@mail.ru

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ УМНОГО ЧЕЛОВЕКА В ДИАЛЕКТАХ ФИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье восстанавливается логика развития значений у лексем, позитивно характеризующих интеллектуальную деятельность человека.

Ключевые слова: вторичная образная номинация, полисемия, метафора, мотивационный признак

Исследователи отмечают, что в языковом фонде неравномерно распределены лексемы, указывающие на наличие ума или его отсутствие у объекта оценки, и при этом последние значительно преобладают над первыми. Поведение и поступки умного человека воспринимаются в качестве нормы, и поэтому либо заслуживают нечастого одобрительного комментария, либо остаются без внимания вообще, в то время как действия и реакции глупого человека (получающие оценку ярко негативной антисоциальной) в человеческом сознании нуждаются в осуждении и/или коррекции.

В работе рассматриваются структура и функционирование лексико-семантического поля (ЛСП) «Интеллект человека». На основании входящих в него единиц, указывающих на интеллектуальные способности, можно сказать, что из примерно 300 лексических и фразеологических единиц основная часть отмечает именно недостаток умственных способностей и составляет зону «глупость». Таким образом, в зону «ум» ЛСП «Интеллект» входит очень небольшой процент, внимание которому уделяется в данной статье. Материалом для исследования служат лексические, фразеологические единицы финского языка, собранные в архиве финских диалектов и в словаре финских говоров. В картотеке архива, хранящемся в Научно-исследовательском центре языков Финляндии (Хельсинки), насчитывается свыше 8 млн диалектных вариантов от 400 000 слов, а также коллекция из 1,4 млн паремий [11]. В работе лексический материал карельского языка привлекается в качестве родственного, поскольку происхождение рассматриваемых нами слов относится к периоду пражи-основы, когда еще не было четкой дифференциации прибалтийско-финских языков.

В процессе исследования ментальная диалектная лексика сопоставляется с данными литературного языка. В работе, посвященной лексике, характеризующей интеллект, Т. В. Бахвалова сравнивает русский литературный язык с орловскими говорами и пишет, что «единство тематических групп лексики народных говоров и литературного языка связано с общей закономерностью, свойственной языку и его говорам,

а именно: общностью грамматического строя и близостью лексического состава» [1; 3]. По словам известного отечественного языковеда Ф. П. Сороколетова, исследователя русской диалектной лексикографии, «диалекты в основных своих чертах совпадают с литературным (общенародным) языком: известно, что дифференциального в лексике отдельного диалекта меньше, чем общего, объединяющего говоры и литературный язык» (цит. по: [1; 3]).

Работа выполнена в русле этнолингвистических исследований, которые направлены на выявление закономерностей кодирования этнокультурной информации средствами языка. Человек воспринимает окружающий мир, будучи укорененным в своей культурной традиции, создает свою систему ценностей. Вследствие взаимодействия этноса и языка формируется так называемая картина мира, отражающая особенности национального представления о внеязыковой действительности. Этнолингвистика через анализ языка изучает эту картину, осуществляя тем самым выход на народную культуру.

Ниже предлагается рассмотреть, из каких конкретных словесных и психологических характеристик складывается образ умного человека в языковой картине финнов.

Для системного описания лексики, позитивно характеризующей интеллектуальную деятельность, в первую очередь обратимся к лексеме *järki*, имеющей в современном финском языке значение ‘ум, разум, рассудок’. Современное значение, в свою очередь, восходит к первоначальному, отражающемуся теперь в наречии *järjestää* ‘по порядку, подряд’; глагол *järjestää* ‘приводить в порядок, упорядочить, организовать’ первоначально означал также ‘ставить в ряд’. Отголоски этой конкретной изначальной семантики сохранились в родственных языках, ср.: эст. *järg* ‘очередь, порядок’, карел. *järki* ‘порядок’ [10]. Поскольку ряд и сейчас еще является одной из нагляднейших форм проявления порядка, не случайно, что именно это слово послужило символическим трамплином для образования самого понятия «порядок, организованность», отмечает Л. Хакулинен [4; 82].

Niin täält mennä järjestäs vaa, yks toises päräs (Kustavi). «Теперь идем по очереди, один за другим»¹.

Mull oli niim pal senttä semmone hyvä järki vail mää noi laps oli (Perniö). «У меня был уже очень хороший ум, хоть я и был еще совсем ребенком».

Для носителя финского языка понятие *разум* ассоциируется с идеей организованности и порядка. Каковы мотивы, спровоцировавшие такую ассоциацию? В качестве версии можно предполагать, что мысли представляются выстроеннымми в очередь или ряд, как элементы прикладного творчества. При этом в наивной картине мира понятия *мысль*, *знание* и *ум* настолько близки, что могло происходить смысловое пересечение, вследствие чего слова, первично обозначавшие *ряд*, стали указывать не только на мысль, но и в целом на *ум*, *разум*. Убедиться в близости понятий *рядность* и *интеллект* в финской наивной картине мира помогает еще один пример. Считается, что существительное *toimi* ‘занятие, дело, работа, должность’ приобрело эти современные значения под влиянием глагола *toimittaa* ‘работать, функционировать’ [4; 83]. В старом литературном языке оно встречается в значении ‘ум, разум, рассудок’. Первоначально же в диалектах *toimi* функционировало как термин из области ткачества и указывало на ряд нитей основы в ткани, *toimikas* определяется как основное переплетение нитей, при котором на поверхности ткани образуются косые рубчики. Чтобы такой узор появился, необходимы две пары нитей, то есть 4 нитченки [5; 45]. Л. Хакулиnen приводит пример образного употребления термина из «Калевалы», где говорится, что если к гладкой снежной поверхности прижать подол юбки, то на снегу останется след от материала – *hangella hamosen toimi*, то есть узор ткани юбки.

Этимологический словарь фиксирует указанные значения и в родственных языках: кар. *toimi*, *toimikas* ‘4-нитченковая ткань’, *toimi* ‘занятие; ясность; понимание’, *toimie* ‘понимать, соображать’, вепс. *toimetada* ‘понимать’, *toimitada kargas* ‘начать ткать полотно’ [10].

Со временем слово *toimi* с базовым значением ‘основная нить, установленная и наложенная (отрегулированная) основа для полотна’ в метафорических конструкциях стало употребляться в качестве образа, иллюстрации порядка: *toimi* ‘система, порядок, ясность, четкость’. В этой связи М. Рапола считает, что развитие семантики слова *toimi* было таким же, как у слова *järki*, первичное значение которого определяется как ‘ряд, порядок’. При этом, судя по семантике слова в родственных прибалтийско-финских языках, абстрактные значения ‘ясность, порядок’ / ‘(способность) мастерство’ / ‘находчивость, сообразительность, ум, разум, рассудок’ развиваются уже в прайзыковой период [5; 50].

В восточных говорах Финляндии и в Олонецкой Карелии известен целый ряд устойчивых выражений со словом *toimi* для обозначения умственной деятельности, развившихся из конкретных стилистически нейтральных фраз, которые используются в ткачестве. Например,

Ei toimet juokse ‘не знать’ буквально означает ситуацию, когда ‘узор не идет’.

Словосочетание *täysi toimi* ‘полноценный узор’ выступает для обозначения полного ума, разума.

Распространены и отрицательные конструкции, в которых имеется в виду отсутствие ума:

Ei ole tointa: Sillä ei out toenta tehäs sitä (Manninkä). «У него нет ума, чтобы сделать это».

В некоторых выражениях употреблено множественное число слова *toimi*, связанное с примарным значением слова:

Kankaassa pitää olla toime. «На ткани должен быть узор».

Joka paikassa pitää toimet olla (Кестенъга). «В каждом деле должен быть толк».

Ошибка, сбой в работе или какое-то другое неправильное действие ткача приводит к тому, что полотно *menee pois toimelta* ‘узор сбивается’. В Калайоки говорят о человеке, который стал плохо соображать: *se om menny jo pois toimelta*. В Киихтельюсаара в ситуации, когда кто-то говорит или делает лишнее, замечают: *pois toimelta täppöö* ‘неразумно поступает’ (букв. ‘у него узор сбился’).

Из ситуации с произошедшей в тканье ошибкой возникло выражение *olla toisella toimella*, букв. ‘быть в другом рисунке’, которое также стало использоваться для обозначения умственной деятельности:

Se ol ihan toesella toimella. «Он совсем не в себе».

Основываясь на приведенных выше случаях, можно сказать, что в финском языке образная семантика слов, позитивно оценивающих разум и мыслительный процесс, развилаась из конкретных значений, используя в качестве основания мотив *ряд*, *порядок*. На ассоциативном уровне у носителей финских диалектов мысли видятся выстроеннымми в систему, отчего хороший ум представляется правильным и точным узором. Логично, что образ умного человека в таком случае подразумевает такие качества, как организованность и собранность. В финском языке среди значений полисемантических лексем, указывающих на типичного дурака, часто присутствуют компоненты *несобранность*, *хаотичность мыслей и слов*. В качестве подтверждения ср. использование семы ‘смешение’ (фин. seka-) в *ajatuksset sekaantuvat* ‘мысли перепутались’, *olla sekaisin* ‘помешаться разумом’, *sekäpää*, *sekäpäinen* ‘помешанный головой’, *sekava ajatuksenjuoksu* ‘запутанный ход мыслей’ [7]. Кроме того, на основе идеи смешения образованы и некоторые другие обозначения интеллектуально неполноп-

ценного человека. Укажем в качестве примера фонетические варианты *hassa*, *hasso*, *hassu*, которые используются в качестве характеристики потешного, странноватого человека, при этом данное значение развились из первоначального, связанного с обозначением смешения, хаотичности, неупорядоченности [6], ср. *hassottava tukka* ‘взъерошенные, торчащие в разные стороны волосы’ [7]. Идея неупорядоченности на конкретном уровне могла быть использована носителями языка для характеристики образа мышления. Действия, не поддающиеся пониманию окружающих, какой-то общепринятой логике, являются следствием разбросанных, неупорядоченных, *перемешанных* мыслей.

Таким образом, мотив *порядок – отсутствие порядка* проявляется симметрично, как в позитивной, так и в негативной оценке интеллектуальных способностей человека.

Обратимся к развитию глагола *huomata* ‘замечать, обращать внимание’. Этимологический словарь, а также словарь финских диалектов включают значения ‘понимать, сообразить, осознавать, догадываться, разуметь’. Согласно Л. Хакулину, данный глагол является производным от существительного *huoma*, первоначально означавшего ‘тень, сумерки’. Основываясь на подобных случаях в финских диалектах, а также родственных языках, автор приходит к выводу, что *huomata* (и его вариант *hohmata*) обладало primaryным значением ‘виднеться, вырисовываться, тускло светить’, из которых в дальнейшем развились современные значения ‘замечать, обращать внимание, видеть’ [4]. Следует отметить аналогичное развитие глагола *huomata* и в карельском языке, где он означает ‘понимать, соображать’, при этом существительное *huoma* также указывает на ‘тень, сумрак’:

Em tää oo huamannur rukkiisa lainkaan täänä vuanna niičä torajyviä (Vampula). «Я совсем не замечал во ржи в этом году спорыни».

Eks sinä huomannit mitä se tarkotti? (Ikaalinen). «Ты не понял, что он имел в виду?»

Подобным образом шло развитие значений и у известного финским диалектам глагола *hohtaa* ‘замечать, обращать внимание’, восходящего к более раннему ‘тускло светить, блестеть’, сохранившемуся и в литературном языке. Известны также именные производные *hohto* ‘внимательность, понятливость, разум’, прилагательные *hohtavainen* ‘находчивый, догадливый, наблюдательный’ и *hohtamaton* ‘непонятливый, глупый’ (при помощи суффикса *-ton/-tön* образованы отрицательные формы):

Hohto jo pois kun se on niičä vanha (Hollola). «Он такой старый, ума уже нет».

Ei se vanhus mitieh hohla enie (Lammi). «Этот старик ничего уже не соображает».

Продолжают ряд глаголы *hoksata*, *hokata*, *hokatia*, которые, сохраняя значение ‘заметить’,

указывают на хорошие интеллектуальные способности человека:

Ekkös ny jo hoksaa mistä ruhe on? (Hämeenkyrö). «Что ли не понимаешь, о чем речь?»

Arvelin itekseni, jotta miten se nuin vastasi, van tuybemmin sen hokatin (Nurmekoski). «Пытался понять, почему он так ответил, но только позже сообразил».

Такова же семантическая характеристика глагола *höönötä* ‘замечать/понимать’:

Ekkös sä ny höönöt, mitä Heikki tarkottaa? (Lammi). «Ты не понимаешь, что Хейкки имеет в виду?»

Умный человек способен заметить и понять что-либо в отличие от других, поскольку обладает прозорливостью или предвидением. В пользу этой версии говорит употребление слова *haju*, известное, в первую очередь, в значении ‘запах’. По диалектным данным, а также в родственных языках оно встречается как указание на ум, понимание, предвидение. Слово *haju* используется также в выражениях со значением ‘иметь представление, понятие о чем-л.».

Hevoset ko tunnethin karhun haijun niin pelasttyvät (Raisi). «Лошади испугались, когда учゅяли запах медведя».

Onko siinä haju kun lähtöö tämmösellä ilimalla kulukemaan (Pomantsi). «Есть у тебя хоть сколько-то ума, пойти в такую погоду гулять».

Saada hajua jstak. ‘Пронюхать (т. е. узнать) о чем-л.’

В карельском языке основа *haju* ‘запах; ум, память, понимание’ нашла воплощение в прилагательном *hajukas*, *hajulline* ‘умный’, с отрицательным суффиксом *-toin* *hajutoin* ‘безумный’, а также в глаголе *hajustuo*, *hajuvuo* ‘образумиться’.

Существование значений ‘запах’ и ‘ум’ стало возможным благодаря промежуточному значению ‘чутье, предвидение’, следовательно, понимание происходитющего, умение предугадывать события, чем среди прочего и отличается умный человек. В завершение можно добавить, что многие слова, использующиеся в качестве метафор в адрес дураков, содержат сему «невнимательность»:

Se tohelo poika ei se nää mittää, eikä se luule mittää, eikä se huomaa mittää (Perkjärvi). «Этот дурной парень не видит, не думает, не замечает ничего».

Проанализируем некоторые лексемы, значения из сферы умственной деятельности которых развились благодаря актуализации мотива поиска и осознания.

Глагол *haamata*, согласно этимологическому словарю, означает ‘искать ощупью, стремиться, достичь, дотронуться, взять руками или зубами, тянуться за чем-л.’ [10]. Другие глаголы этого же ряда *haamailla*, *haamaista*, *haamilla* дополняют значения: ‘нащупывать, шарить, пытаться пой-

мать / приобретать, заполучать, добывать / думать, размышлять, намереваться' [8]:

Hevone hoamas hampaillaa kiini minua taki lavista (Karstula). «Лошадь пыталась ухватить зубами полу моего пальто».

Mitä sinä huamailet? – Töppösien etin (Pielavesi). «Что ты ищешь? – Валенки ищу».

Tyttö on niin laiska ettei haamailekkaan ottaa luutaa kätehensäv vaikka lattia or roskia täynnä. Minä en ois kans haamailu naimisiin, jos olosin tiennyt vaikeudet (Himanka). «До того ленивая девка, что и не подумает метлу в руки взять, хоть на полу полно мусора. Не стал бы на ней жениться, если бы знал».

Видимо, в одно гнездо с названными глаголами входят **hamata** (Lönnrot) и **haamita** (встречается в ингерманландской эпической поэзии) ‘заметить’, которые SSA связывает этимологически с вепс. **hama**, **ham** ‘память; ум’, **hamatoi** ‘глупый’, фин. **haamatti** ‘разум, умение, внимательность, наблюдательность’ [10]: *Oli sillä sen verran hoamattia että osas tulla kotia* (Jämsä). «У него было столько сообразительности, чтобы найти путь домой».

Ту же модель развития семантики воплощают глаголы **käsittää** и **käsittellä**, в основе которых лежит слово **käsi** ‘рука’. В современном литературном и разговорном финском языке **käsittää** употребляется в значении ‘понимать, соображать, разуметь’. Однако эти указания на интеллектуальную деятельность произошли из первоначальной семантики ‘поймать, достичь, преследовать, взять в руки’, сохранившейся в финских народных говорах. Глагол **käsittellä** ‘рассматривать, обсуждать проблему, вопрос’ в финских диалектах также значит ‘держать в руках, пожать руку’. Он известен и родственным языкам, где его значения варьируются в зависимости от различных ситуаций, связанных с рукой и прикосновением: от ‘дотронуться рукой, держать в руках, убить ножом, прикоснуться, взять на руки’ до ‘придумать, понимать’ [10].

В этимологическом словаре высказывается предположение относительно развития семантики глаголов **käsittää** и **käsittellä**, согласно которому значение ‘взять в руки, поймать’ естественным образом перешло в стадию ‘рассматривать что-л. находящееся в руках, изучать’, что и привело впоследствии к употреблению этих глаголов в значении ‘замечать, обнаружить, распознать, сообразить, понять’.

Рассмотренная модель позволяет говорить о том, что в финской языковой картине мира человек осваивает мир через осознание, прикосновение.

Одним из наиболее интересных выглядит развитие семантики глагола **ummärtää** ‘понимать, соображать’, широко употребляемого как в литературном, так и в разговорном финском языке. История языка свидетельствует о вторичности данной семантики. Будучи производным от

основы, сформировавшей наречие **umträgī** ‘вокруг’ (с учетом чередования **mp/mm**, со слабой основой **umtä-**), данный глагол в ряде прибалтийско-финских языков и диалектов указывает и сейчас на такие действия, как ‘обивывать, окружить что-л., двигаться вокруг, обезжать, достигать, поймать, прислуживать кому-л.’ Последнее из представленных значений не выбивается из общей логики, поскольку иллюстрирует образное вращение вокруг обслуживаемой персоны. Вероятно, именно из значения конкретного действия ‘обивить, окружить, схватить’ вырастает через стадию ‘осязать, распознавать то, что окружено, поймано’ семантика ‘понять’. Благодаря этому переходу глагол **umhärtää** стал функционировать в значении ‘понимать, соображать’, которое наиболее привычно для носителя современного финского языка.

Следующими в предложенном ряду лексем так называемой интеллектуальной сферы будут рассмотрены три глагола, возникших по одной модели: **tutkia**, **keksiä**, **harkita**. Глагол **tutkia** ‘исследовать, изучать’ первоначально означал ‘искать, ощупывать шестом с заостренным концом (главным образом предметы, находящиеся в воде)’ [4; 81, 9]. В финском, а также в родственных языках существительными **tutka**, **tutkain** обозначается ‘наконечник, острие, конец (концы основы у ткани)’.

Глагол **keksiä** ‘изобрести, открыть, придумать, выяснить’ развился из существительного **keksi** ‘багор, простая ручная борона, окучник, крюк, которым заташивают рыбу в лодку’ и первоначально означал ‘доставать, зацепить багром’. Логично, что глагол **keksii** известен диалектам финского языка в конкретных значениях, связанных с указанной основой, например ‘работать мотыгой’:

Jokane keksii perunavavostas oma osas (Perniö). «Каждый окучит свое поле».

Вероятно, следующий этап в развитии полисемии заключался в том, что мотив *поиска* и *осознания* спровоцировал употребление слова в значении ‘замечать, находить’:

Se (tarkka metsästäjä) keksii soaliin, olokaav vaikka minkälaisessa kohti (Iisalmi). «Он (внимательный охотник) заметил добычу, где бы ни пряталась».

В дальнейшем своем развитии глагол начал употребляться в значении ‘придумать’, то есть ‘достичь умом или чувствами’:

Liekki toellisuuvessa olluv (t. tapahtunut) van viisaat ovat keksineet (Puolanka). «Произошло ли это в действительности или умники придумали».

Minä viisaan keinon keksin (Vihti). «Я придумал умный способ».

Ряд может быть продолжен глаголом **harkita**, а также вариантом **harkkia** ‘обдумывать, взвешивать, обсуждать’ с конкретным первоначальным значением ‘искать багром или шестом что-либо

на дне моря', в основе данного гнезда – существительное *harkki* 'кошка, борона, вилы, крючок, зацеп': *Ei sitä (talvinuottaa, josta on vetoköysi katkennut) vois saar millä tuul ku harkil ylös* (Rymättylä). «Его (невод-подледник, в котором порвался основной шнур) ничем, кроме зацепа, не достать наверх».

Процедура поиска, сопровождавшегося непосредственным физическим контактом, переосмысляется и переносится на уровень мыслительной деятельности.

Kirsti sanoi, että hä harkittee vähä aika asiaa (Vihti). «Кирсти сказала, что она обдумает этот вопрос некоторое время».

Se poeka ei hättäile, se harkihtoo ensin (Maaninka). «Этот парень не суетится, он подумает сначала».

Таким образом, умственная деятельность (*вспомнить, сообразить, придумать, изобрести, изучить, понять, знать* и т. п.) представляется в финской языковой традиции действием, напоминающим поиск ощупью, освоение неизведанной территории, исследование, а точнее, прощупывание ее каким-либо заостренным орудием. Процесс понимания ассоциируется у носителя языка с непосредственным контактом, осознанием, рассматриванием, а затем усвоением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Примеры собраны из словаря финских диалектов (SMS), в скобках указывается говор.

² В специальной литературе значение 'понимать, осознавать' у глагола *käsittää* рассматривается как возможная германская семантическая калька, однако не исключается, что подобное развитие семантики могло происходить и на своей почве [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахвалова Т. В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка. Орел: Орловский гос. пед. ин-т, 1993. 130 с.
2. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007. 600 с.
3. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2008. 280 с.
4. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка: Пер. с финск. М.: Изд-во иностранной лит., 1955. 292 с.
5. Kotimaisten kielten keskus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kotus.fi/index.phtml?s=2>
6. Nirvi R. E. Sanoja ja käyttäytymistä. Helsinki, 1964. 194 s.
7. Nykysuomen sanakirja. Osat 1–3. Helsinki, 1983.
8. Ruoppila V. Vajaaälyisen kuvaannollisia nimityksiä // Virittäjä. 1955. S. 222–238.
9. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osat 1–6. Helsinki, 1978.
10. Suomen murteiden sanakirja. Osat 1–8. Helsinki, 1985.
11. Suomen sanojen alkuperä. Osat 1–3. Helsinki, 1992.